

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ ПИНЩИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Савчук Татьяна Петровна

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Рассматриваются особенности организации и функционирования православных обителей Пинщины в XIX – начале XX в. Акцентируется внимание на составе братии, их социальном происхождении и уровне образования, выполняемых ими обязанностей.

Значительное место в религиозной и социокультурной жизни Пинского региона в XIX – нач. XX в. занимали православные монастыри. Каждый монастырь имел своё внутреннее устройство.

По составу иноков обители подразделялись на мужские и женские. По уставу, регламентирующему устройство и уклад жизни обители, монастыри делились на общежительные и необщежительные («особожитные»). В общежительных монастырях монашествующие не имели личной собственности и получали от монастыря келью, необходимую утварь, а также одежду, обувь, питание и пр. Общежительные монастыри отличались большей строгостью своих уставов. В необщежительных обителях монахи имели келью и иногда общую трапезу от монастыря, всё остальное они приобретали своим трудом. Все доходы в обителях подобного типа разделялись на три категории: а) «общемонастырские», которые шли на нужды монастыря, б) «братские», делившиеся между братией, в) «поручные» – доходы отдельных иноков, всецело им принадлежавшие.

Во главе обители стоял настоятель (настоятельница), который находился в сане игумена (игуменья) или архимандрита. После назначения митрополитом, настоятель знакомился с имущественным состоянием монастыря и проверял его опись. Так же он имел особую, так называемую настольную, грамоту, в которой излагались его права и обязанности. Братии предписывалось послушание и повиновение игумену, как духовному лицу. Распорядок в обители и её внутренняя жизнь во многом зависели от личности настоятеля, его административных способностей и моральных качеств. Кроме того, каждая обитель имела устав, который строго регламентировал различные аспекты монашеской жизни [1, с. 16].

В исследовании архимандрита Николая «Историко-статистическое описание Минской епархии» в хронологическом порядке приведены все известные настоятели православных обителей региона [7, с. 135–154].

В управлении обителью настоятель пользовался помощью других должностных лиц, к которым относились: 1) наместник (он заменял архимандрита в случае его временного отсутствия в монастыре, а при обычном течении монастырской жизни выполнял функции благочинного); 2) духовник (на эту должность избирался один из старейших священнослужителей обители; иногда духовником являлся наместник или сам настоятель).

Однако из-за малочисленности монахов некоторые должности могли совмещаться либо вообще отсутствовать. Так, в документах, касающихся истории

Лещинского монастыря до 1596 г., нет упоминания не о экклисиархе, наблюдавшего за порядком совершения богослужения и монастырской ризницей, не о уставнике, заведовавшем в храме чтением и пением, не о проповеднике, чьи обязанности исполнял, вероятно, сам настоятель. Помимо упомянутых должностных лиц, в обители могли также быть: эконо́м – управлявший хозяйственной жизнью обители, трапезный – отвечавший за братскую трапезу, кухарь – монастырский повар.

Что касается количества насельников обители, то для монастырей первого класса (Пинский Богоявленский мужской) был установлен штатный регламент в 33 человека (согласно «Духовным штатам», изданным императрицей Екатериной II 26 февраля 1764 г.). К ним относились: архимандрит, наместник, казначей, 8 иеромонахов, 4 иеродиакона, 13 «монахов служащих и прочих рядовых», 5 «больничных». Несмотря на это, реально в Богоявленской обители проживало: на 1807 г. – 12 человек (не хватало 4 иеромонахов, 2 иеродиакон, 11 монахов, 4 «больничных») [2, лл. 5–25], 1812 г. – 8 человек [3, лл. 46–49], на 1834 г. уже 20 человек [4, лл. 70–71].

В Дятловском Преображенском монастыре по уставу предполагалось нахождение семи человек. Однако из архивных документов следует, что до 30-ых гг. XIX в. ощущалась постоянная нехватка насельников обители, чаще всего одного иеродиакона и двух монахов [2, л. 25; 3, л. 47]. Зато в 1834 г. кроме необходимого количества братии (все монахи были выходцами и священнических семей, двое окончили Минскую духовную семинарию), имелось 5 послушников (1 мещанин, 1 сын священника, 3 «из дворян») [4, лл. 53–56]. Все они за свой труд получали определённое жалование (данные на 1813–1814 гг.): иеромонах – 35 руб., монастырский священник – 30 руб., послушник – 10 руб. [6, лл. 20–31].

Ежегодно все монастыри епархии отправляли в Минскую духовную консисторию послужные списки настоятелей и монашествующих. Например, полное название ведомости Дятловского монастыря за 1834 г. выглядело так: «Ведомость полугодичная о монашествующих и послушниках находящихся в заштатном Дятловицком Преображенском монастыре. Учинена декабря 30 дня, за 1834 г.». Ведомость представляла собой своеобразные характеристики монахов. К примеру, ризничий иеромонах Евстратий, 67 лет, родом из малороссийской семьи казаков, обучен славянской и русской грамоте читать и писать; казначей иеромонах Росфирий, 46 лет, «польской нации, сын священнический», обучен только читать по-славянски и т.п. [4, лл. 53–55].

Подобного рода документы представляют собой ценный источник, на основе которого можно сделать выводы о национальном и социальном происхождении монашествующих, их образовании. Так, в 1910 г. в Пинском Богоявленском монастыре проживало 15 человек. Их них 4 из семей священников, 1 дворянин, 2 мещан, 1 почётный гражданин, 7 крестьян. Минскую духовную семинарию закончило 2 человека, остальные получили образование в народных или духовных училищах [5].

Что касается жизни монахов, то на примере Лещинской обители видно, что иноки собирали и держали в своих кельях имущество: книги, иконы. Неизвестно только, как поступали с имуществом умерших: становилось ли оно собственно-

стью обители или же передавалось родственникам. Практически все насельники Леща являлись выходцами из крестьян и были недостаточно образованы, чтобы учить и проповедовать.

Вместе с тем известно, что в обители существовала школа, в которой настоятель или наместник обучали детей горожан начальной грамоте. Школа прекратила своё существование в конце XVI в. и была возрождена в 1633 г. в Пинском Богоявленском монастыре [1, с. 16–18]. В середине XIX в. школа действовала и при Варваринской женской обители, где воспитанницы разных сословий учились чтению, письму и рукоделию. Представительницы знатных фамилий (Орды, Корсаки, Чарнецкие) платили значительную сумму, а девушки из бедных семей обучались бесплатно [8, с. 73].

В целом, следует отметить, что функционирование того или иного монастыря во многом определял субъективный фактор. Имеется в виду личность настоятеля, его административные способности и моральные качества. Он определял характер внутреннего устройства и распорядок жизни обители.

Литература

1. Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – 111 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 2012.
3. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 2912.
4. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10770.
5. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 37449.
6. НИАБ. – Фонд. 1550. – Оп. 1. – Д. 7.
7. Николай, архимандрит Историко-статистическое описание Минской епархии / архимандрит Николай. – СПб., 1864. – 315 с.
8. Православные монастыри Беларуси / С.Э. Сомов [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2003. – 198 с.